

М.Ф.ЧЕРНЫШ

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОРИЕНТАЦИИ**

Черныш Михаил Федорович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.
Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского д. 24/35, строение 5; тел.: (095) 125-00-60.

У исследований социальной мобильности есть два основных аспекта - эндогенный и экзогенный. Первый связан с выявлением масштабов и направленности социальных потоков. Этот технократический ориентированный на экономику подход оказался в центре внимания социологов практически во всех развитых странах мира. Не в последнюю очередь эндогенный подход возобладал благодаря влиянию американской школы, ставившей целью зафиксировать общие тенденции развития социальной структуры на фоне относительно стабильного и процветающего общества, опирающегося на мощный экономический фундамент. В классической работе С.Липсета и Р.Бендикса "Социальная мобильность в индустриальном обществе" [1], речь шла о социальных перемещениях на протяжении целых десятилетий. Аналогичным образом, в масштабе столетия анализировали изменения социальной структуры два других известных американских социолога — Д.Фетерман и Р.Хаузер [2]. В этом, глобальном своем преломлении, исследования мобильности достигли расцвета в середине семидесятых годов, а затем, определив осевые тенденции развития общества в прошлом и настоящем, утратили свою актуальность. И действительно, если ставилась цель выявить направления тектонических социальных сдвигов в современных обществах, то эта цель была в значительной степени достигнута, и ее повторная постановка была связана не столько с критикой основных выводов классической школы, сколько с попыткой повнимательнее присмотреться к влиянию иных, нечасто упоминаемых ею факторов, например, национальной культуры.

В наследство от классической школы исследователям мобильности достался достаточно простой теоретический аппарат, сводящийся к нескольким положениям, полным социального оптимизма, - о систематическом увеличении размеров среднего класса в США и других странах Запада, о более высокой проницаемости социальных перегородок везде, где побеждает демократическая система, об осязательном влиянии экономических изменений на социальную структуру общества и, в частности, о расширении потоков мобильности в обществах, переживающих периоды структурных экономических изменений. В методологическом плане предлагалось, используя математические методы, анализировать перемещения людей прежде всего между профессиональными группами. В конце XX века, насыщенного социальными катаклизмами, стало ясно, что, будучи не вполне пригодной для фиксации скоротечных, зачастую революционных социальных изменений, классическая модель устаревает. Выявились несколько весьма серьезных ее недостатков. Один из них состоял в том, что в модели был слабо отражен экзогенный аспект структурных

изменений. Под последним подразумевается эволюция социальной ситуации в целом, включая возможность возникновения социальных беспорядков, свержения правящего режима, радикальной перемены курса. Вряд ли имело смысл обсуждать этот вопрос применительно к США или Франции, где на протяжении десятилетий в структуре мобильности преобладали восходящие потоки и где устойчивая политическая система способна успешно справляться с большинством социальных конфликтов. Однако в развивающихся странах, а тем более в странах, находящихся в фазе перехода от одного социального устройства к другому, этот вопрос далеко не праздный.

В Албании, например, ситуация, когда 85% вкладчиков потеряли свои сбережения, вложенные в финансовые пирамиды, привела к мощнейшему социальному взрыву, спровоцировавшему полный распад еще не вполне устойчивой политической системы. Разумеется, в этом хрестоматийном примере не все так просто. Неясно, какова была ситуация в стране до краха так называемых финансовых пирамид, каков был уровень социальной напряженности, связанной с переустройством косной коммунистической патриархальной системы на новый лад, каков был более широкий, международный контекст недовольства. Тем не менее при всех прочих равных нельзя не признать, что именно факт быстрого обнищания значительной части населения стал если не основной причиной, то, по крайней мере, внешним раздражителем для возникновения беспорядков. Если бы социальная ситуация в Албании анализировалась при помощи традиционных для исследования мобильности методов, то в ее описании мы имели бы обширную констатирующую часть при отсутствии реального прогноза. Что же в этом случае помешало бы нам предвидеть возможные беспорядки? Во-первых, неверный акцент на профессиональные перемещения. Известно, что социо-профессиональная структура в Албании не претерпевала сколь-нибудь значительных изменений с момента краха коммунистической системы. Более того, по свидетельствам очевидцев (система сбора надежных статистических данных в Албании отсутствует), в экономике страны - и соответственно в ее профессиональной структуре - наблюдались некоторые признаки стабилизации. По-видимому, наибольшее влияние на развитие ситуации оказало экономическое измерение социальной структуры, определяемое здесь как деление на группы по уровню материального благосостояния. Было бы, однако, ошибочным превращать этот вывод в аксиому, одинаково пригодную для прогноза во всех культурах и всех ситуациях. Известно, что великая экономическая депрессия 1929 года также спровоцировала материальное обнищание едва ли не больших масштабов, чем то, которое наблюдается в Албании. Однако и экономика, и политическая система развитых государств выдержали это испытание.

Можно, разумеется, отнести этот пример за счет стабильности западной системы ценностей, с пеленок приготавливающей каждого гражданина не только к социальному успеху, но и возможному поражению. Но вот другой пример: в 1992 году значительная часть населения России утратила свои сбережения, причем в ситуации, весьма схожей с албанской. И тем не менее в стране не отмечалось сколь-нибудь значительных социальных катаклизмов, не было даже крупномасштабных забастовок. И дело здесь не в том, что русский народ терпеливее албанского. По-видимому, - и это косвенным образом подтверждается эмпирическими исследованиями - избежать

острых социальных конфликтов удалось тогда благодаря более короткой, чем обычно, дистанции между властью и имущими и обществом. Президент России и его молодое правительство пользовались доверием весьма значительной части населения, и прежде всего образованного класса. В обществе еще не созрела реальная оппозиция режиму, сформированному из профессионалов антикоммунистической ориентации. Многим гражданам было понятно, что без некоторых жертв не обойтись, но эти неизбежные жертвы уже в ближайшем будущем приведут Россию к экономическому процветанию, обеспечат ее вхождение в сообщество экономически развитых, стабильных государств.

Наблюдаемые ныне причудливые взаимодействия между экономическим и политическим измерениями социальной структуры возвращают нас к вопросам, активно обсуждавшимся в ходе "заочной" полемики между К.Марксом и М.Вебером о влиянии экономической мобильности на перспективы общественного согласия. Основные надежды на будущую революцию Маркс связывал с относительным и абсолютным обнищанием пролетариата. "Пролетарий", - писал он в "Немецкой идеологии", - призвание которого, как всякого другого человека, заключается в том, чтобы удовлетворять свои потребности, но который не в состоянии удовлетворить даже эти, общие у него со всеми другими людьми, потребности - этот пролетарий уже в силу этого имеет действительную задачу - революционизировать существующие отношения" [3]. Иными словами, чем хуже живет пролетариат, тем интенсивнее актуализируется в его сознании потребность в революционных преобразованиях, тем энергичнее вступает он в борьбу за свои права. Данная схема столь часто не срабатывала, что дала повод критикам Маркса усомниться в ее всеобщности. На волне этой критики М.Вебер выдвинул альтернативный подход к рассмотрению взаимоотношений между экономической ситуацией и политическим действием. Класс, утверждал он, не представляет собой сообщества взаимодействующих индивидов. Речь идет об агрегировании по другим основаниям, и уже в силу этого было бы ошибочным говорить о существовании некоего гомогенного классового сознания. Классовое сознание крестьян рабовладельческой эпохи - это борьба за списание или пересмотр задолженностей. В более позднюю, феодальную эпоху - это борьба вокруг поставок хлеба и цен на хлеб. В эпоху развитого капитализма - это прежде всего торг вокруг цены рабочей силы и места индивида на потребительском рынке. В капиталистическом обществе классовая позиция предопределена рынком труда, потребительским рынком и состоянием частного сектора экономики. Иными словами, на протяжении всей истории человечества экономическое измерение социальной структуры, подразумевающее деление на бедных и богатых, собственников и несобственников, не произвело и не могло произвести на свет каких-либо значимых политических лозунгов. Политические лозунги рождались в сфере политики и преломляли в себе прежде всего политические интересы их носителей. Отсюда вытекает, что экономические проблемы, безусловно значимые для весомой части населения, - это лишь один из аргументов тех, кто в действительности ведет борьбу за власть. Пользуясь терминологией структурной теории, можно сказать следующее: за попытками спекуляции на экономических проблемах, как правило, стоит не столько экономический, сколько конкретный властный интерес, легитимирующий себя посредством отстаивания всеобщего блага.

При всей явной справедливости сказанного Вебером нельзя не видеть, что в его достаточно формальном описании взаимодействия между экономическим и политическим измерениями социальной структуры отсутствует такая важная переменная, как исторический опыт. И действительно, в разных странах политические силы по-разному использовали экономические неурядицы в своих интересах. В одних странах полемика по поводу экономических проблем не выходила за рамки дискуссии о налогах и социальной поддержке обездоленных. В других имеется богатый опыт апелляции к экономическим проблемам как способу легитимации лозунгов по свержению существующего режима и полной отмене действующего законодательства. К последним, к сожалению, относится и Россия. Можно предположить, что действия по закрытию шахт одинаково болезненны как для шахтеров России, так и для шахтеров Великобритании. Однако даже в 1982 году, в ходе решающей баталии против консервативного правительства, вознамерившегося закрыть немалую часть действующих шахт, английский профсоюз был далек от выдвижения лозунгов по свержению конституционной монархии и изменению политической системы. В России же почти каждая крупная стачка либо начинается, либо заканчивается лозунгом свержения центральной власти, радикальными призывами к немедленной отставке президента и правительства. Это имеет, на наш взгляд, несколько причин. Среди них - и жизненный опыт значительной части граждан, привыкших к этатистской регламентации собственной жизни в обмен на экономическую стабильность, и укорененность в сознании людей некоторых догматов революционной идеологии, и, возможно, более глубокие архетипы восприятия власти в системе координат "любовь-ненависть". Какими бы ни были причины возникновения названных стереотипов, они чреватые "экономизацией" политики при почти каждом кризисе диалога между государством и его гражданами.

Разумеется, сказанное - не попытка оправдать какой-либо конкретный правительственный курс или же отдельного политика. Речь здесь о другом. Мы попытаемся проверить гипотезу о существовании взаимосвязи между экономическим (богатые-бедные) и политическим (управляющие-управляемые) измерениями социальной структуры, при которой, вопреки утверждению Вебера, вертикальная социальная мобильность оказывает прямое воздействие на политические ориентации граждан при опосредующем влиянии такой переменной, как степень включенности в информационное пространство. Для анализа постулируемой взаимосвязи мы используем данные, полученные в ходе опроса накануне парламентских выборов 1995 года. Научным центром "Социэкспресс" Института социологии РАН. В исследовании использовалась случайная вероятностная выборка взрослого (старше 18 лет) населения России, сформированная путем случайного стратифицированного отбора и включавшая 2100 респондентов.

Нас, прежде всего, интересует анализ взаимосвязи переменных, отражающих изменения материального положения респондента, причем в достаточно короткие сроки, в течение года, переменных, характеризующих политические ориентации опрошенных, и переменных, описывающих отношение человека к массовым возмущениям, скрывающих либо позитивное отношение к подобным действиям (эти действия могут принести результаты), либо негативную оценку (эти действия не смогут решить проблемы, стоящие перед страной). Мы сознаем, что в этой информации отсутствуют данные о реальном политическом действии

респондентов, под которым подразумевается их электоральное поведение или же участие в других политических акциях. Однако, как показывает анализ, ретроспекции респондента по поводу его реальных действий не вполне надежны. Доля тех, кто, якобы, голосовал за победителя, выше, чем в действительности. При этом весьма часто не афишируются действия, направленные на поддержку оппозиционных сил. На наш взгляд, это связано прежде всего с известной скрытностью части населения, предпочитающей не обнаруживать свои истинные чувства и намерения в отношении власти имущих.

Несмотря на это, значительная часть опрошенных (54%) на вопрос о возможности возникновения в стране беспорядков ответила утвердительно. Более того, примерно пятая часть респондентов заявила, что такой поворот событий может быть желателен, ибо в целом может улучшить ситуацию. Логично было бы предположить, что подобная позиция объясняется собственной ситуацией человека, его конкретными материальными интересами, и главным образом теми социальными и материальными потерями, которые он понес в ходе реформ. Попробуем это выяснить, определяя уровень корреляционной связи между переменными "возможность беспорядков" и тремя характеристиками материального положения (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные связи оценки возможности беспорядков с тремя характеристиками материального положения, коэффициенты R^{2*}

Переменные	"Уровень"	"Сравнение"	"Изменения"	Возможность беспорядков
Уровень жизни	1.00	0.57	-0.40	0.11
Сравнение своего уровня жизни с уровнем жизни других	0.57	1.00	-0.33	0.093
Изменение материального положения	0.40	0.32	1.00	-0.10
Возможность беспорядков	0.11	0.09	-0.10	1.00

* Переменная "уровень" фиксирует уровень благосостояния респондента по шкале от 1 до 5. 1 - это наиболее низкий уровень благосостояния, 5 - наиболее высокий. Переменная "сравнение" содержит пятибалльную шкалу, изменяющуюся от 1 ("мы живем значительно хуже других") до 5 ("мы живем значительно лучше других"). Переменная "изменение" — это также пятибалльная шкала от 1 ("наша жизнь за последние шесть месяцев стала значительно лучше") до 5 ("наша жизнь стала значительно хуже"). Все используемые переменные - порядковые.

Почти все переменные, отражающие материальное положение респондента, находятся в достаточно тесной взаимосвязи. Так, уровень жизни тесно коррелирует с тем, как оценивают респонденты свое благосостояние в сравнении с благосостоянием других семей. Любопытно, что семьи с низкими доходами составляют большинство (76%) и, следовательно, по логике вещей должны являть собой некий массовый стандарт для оценки собственного материального положения. Данные исследования свидетельствуют о том, что это не так. По-видимому, определяя свое материальное положение относительно других семей, большинство респондентов ориентируется на тех, кто стоит на ступеньку или несколько ступеней выше. Любопытно и то, что материальное положение респондента довольно тесно взаимосвязано с оценкой

изменений, произошедших в его жизни за последние шесть месяцев. По-видимому, подтверждается известная истина о том, что бедные всегда беднеют, а богатые богатеют. На фоне упомянутых сильных взаимосвязей уровень взаимосвязи ключевой переменной "возможность беспорядков" с переменными, характеризующими материальное положение, весьма низок. Ни самооценка материального положения, ни относительная материальная депривация, ни динамика ситуации не оказывают сколь-нибудь заметного воздействия на отношение людей к массовым волнениям. Во всех случаях величина коэффициента детерминации (R^2) не превышает 0.01. Это означает, что каждая из названных переменных объясняет не более 1 % вариации ключевого признака.

Предположим, что общая широкая картина скрывает некоторые существенные детали. Можно, например, утверждать, что в юном возрасте нисходящая кривая жизненных возможностей воспринимается менее болезненно, чем в старших возрастных когортах. Можно также предположить, что мужчины реагируют на утрату жизненных возможностей резче, чем женщины, а образованные респонденты более сдержанны в оценках ситуации, чем остальные. Таким образом, выстраивается математическое уравнение, в котором оценка возможностей беспорядков рассматривается как зависимая от ряда базовых характеристик, определяющих положение человека в обществе (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенту линейной регрессии, описывающие зависимость возможности беспорядков от социального статуса, Бета-коэффициент

Факторы	Бета-коэффициент
Пол	0.00
Возраст	- 0.04
Образование	0.08
Уровень благосостояния	0.06
Сравнение	0.03
Изменение	-0.04

Как видно из табл. 2, ни одна из базовых переменных практически не влияет на оценку возможности беспорядков. Разумеется, многие переменные здесь не учтены, например, должностной статус. В среде руководителей прогноз возможных беспорядков был бы равнозначен признанию собственной неспособности контролировать ситуацию, потому вероятность такого прогноза была бы заведомо ниже. Проверим эту гипотезу, для чего перекодировем должностной статус так, чтобы переменная имела только три градации — руководитель, специалист с высшим образованием и рядовой работник. С известной степенью условности эту переменную можно представить как порядковую, что позволяет и в данном случае использовать процедуру регрессионного анализа. В уравнение включим, помимо уже названной, переменную, обозначающую положение индивида в иерархии собственности. В этой переменной присутствуют четыре градации — от наемного работника без участия в прибыли до владельца частного предприятия. Осуществив эту процедуру, мы вновь получаем подтверждение нулевой гипотезы о независимости включенных в уравнение переменных (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты линейной регрессии, описывающие зависимость возможности массовых беспорядков от положения в управленческой иерархии и системе распределения собственности, Бета-коэффициент

Факторы	Бета-коэффициент
Статус в иерархии управления	0.049
Статус собственника	0.004

Как это часто бывает в прикладной статистике, ни одна из переменных, рассматривавшихся авторами исследования в качестве важных или ключевых, не оказывает сколь-нибудь заметного влияния на зависимую переменную. Подводя итог этой части анализа, можно утверждать следующее: ни одна из переменных, обозначающих материальное положение или должностной статус человека, а также динамику его положения в материальной иерархии, не влияет на его готовность одобрить массовые выступления за изменение правительственного курса. Полученные результаты заставляют усомниться в плодотворности марксистского подхода к анализируемому сюжету. Складывается впечатление, что тяготы жизни крайне слабо отражаются на готовности людей поддержать крайние формы протеста.

Это, однако, не означает, что жизненная ситуация, в которой оказался человек в современной России, никак не влияет на его политические установки. Можно предположить, что жизненные неурядицы генерируют не столько активный протест разрушительного характера, сколько молчаливое неодобрение происходящего ("ворчание", по М.Веберу). Чтобы проверить эту гипотезу, выполним процедуру логистической регрессии, в рамках которой в качестве зависимой переменной будет фигурировать отношение к президенту РФ. Включим в уравнение следующие факторы, способные оказывать влияние на отношение к президенту: пол, возраст, уровень образования, динамика уровня благосостояния (табл. 4).

Таблица 4

**Факторы, влияющие на отношение к президенту РФ:
логистическая регрессия, бета-коэффициент**

Фактор	Бета-коэффициент
пол	0.20
возраст	0.00
образование	0.08
динамика уровня жизни	0.51
константа	-0.90

Результаты, полученные в ходе процедуры регрессионного анализа, можно интерпретировать следующим образом. Если удерживать под контролем влияние таких переменных, как возраст, образование и динамика уровня жизни, то степень влияния пола равна 0.2. Учитывая, что значение регрессионного коэффициента может колебаться в пределах от -1 до +1, мы имеем заметную, но не решающую степень влияния на зависимую переменную. Иное дело - динамика уровня жизни, здесь наблюдается исключительно высокий уровень влияния, равный 0.5. По сути, это означает, что с каждой ступенькой вверх по лестнице успеха резко возрастает вероятность поддержки главы государства - в среднем на 0.5 балла на двухбалльной шкале. Разумеется, в реальности возрастание поддержки может и не быть столь равномерным. Вполне возможно, мы имеем резкий перепад в отношении к президенту, разделяющий респондентов, сумевших улучшить свою жизнь за последние полгода, и респондентов, терпящих неудачу в жизненной борьбе. Используемая выше статистическая процедура не фиксирует таких перепадов.

Отметим, что данные исследования идут вразрез с утверждением об осязательном влиянии возраста на уровень поддержки тех или иных политических сил. Из полученных результатов следует, что влияние возраста почти не заметно, если контролировать воздействие таких переменных, как динамика уровня жизни и пол. Аналогичным образом, слабо выражено и влияние уровня образования. Если контролируются значения динамики уровня жизни, пола и возраста, степень влияния уровня образования становится малозаметной, не превышающей 2% вариации ключевого признака (в данном случае - это переменная "поддержка президента").

Из результатов регрессионного анализа вытекает следующий вывод: динамика уровня жизни, отраженная в сознании людей, оказывает осязательное воздействие на их политические ориентации. Если человек считает, что его уровень жизни падает, он, по российской традиции, будет винить в этом власть имущих или государство в целом. Однако даже в критической для себя ситуации он не поддержит варианты протеста, еще более ослабляющие российскую государственность, самоубийственные для социального порядка в целом.

Данные исследования показывают, что ни марксистский, ни веберийский подход, имея в себе элементы истины, не могут претендовать на полноценное объяснение взаимосвязи экономического и политического измерения социальной структуры. На наш взгляд, формы реагирования населения на падение или повышение жизненного уровня определяются не только структурным аспектом этих изменений, под которым подразумевается уровень социальной дифференциации, но и особенностями национальной культуры. В России, как уже отмечалось, население зачастую во всех своих бедах винит государство. Однако при этом оно очень часто жаждет усиления ненавистного государства, рассматривая его как едва ли не единственный стержень национальной жизни. Откуда тогда берется установка на массовые выступления, способные раскачать государственный корабль? Чтобы понять это, осуществим факторный анализ переменных, характеризующих возможные изменения экономического и политического курса.

В число переменных, составляющих основу анализа, включается оценка индивидом действенности тех или иных мер, направленных на улучшение ситуации в стране, а также уровень доверия президенту России (табл. 5).

Факторный анализ генерировал четыре типа общих политических установок. Первый тип объясняет 24% дисперсии всех переменных, включенных в матрицу данных. В этом типе налицо стремление вернуть жизнь в старую колею, где все виды продуктивной деятельности находятся под контролем всемогущего государства. Основные установки этого типа связаны с фиксированными ценами, ограничением ввоза иностранных товаров, усилением контроля над частным бизнесом и деятельностью правительства, восстановлением СССР. Этот тип (назовем его "державный") связан с высокой оценкой эффективности массовых выступлений. По-видимому, они считаются одним из основных способов решения социальных проблем. "Державный" тип считает пагубной для страны свободу отечественного частного предпринимательства и привлечение иностранного капитала.

Второй тип, наоборот, считает, что свобода частного капитала очень важна для возрождения страны. Он положительно воспринимает перспективу привлечения в страну иностранного

капитала. При этом данный тип ("авторитарный") поддерживает идею запрета на забастовки и деятельность политических партий. Поощряется усиление власти президента на фоне жестких мер в отношении многих форм политической активности, включая запрет на забастовки и деятельность политических партий. Симптоматично, что "авторитарный" тип - единственный, где наблюдается поддержка ныне действующего президента.

Таблица 5

Факторный анализ общих политических установок
(метод главных компонент)

"Что из ниже перечисленного будет способствовать улучшению положения	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Государственный контроль над ценами	0.74	<0.1	<0.1	<0.1
Полная свобода частного предпринимательства	-0.45	0.49	0.32	0.26
Проведение митингов и демонстраций	0.39	0.12	0.66	-0.21
Временный запрет на забастовки	0.13	0.68	-0.35	
Временный запрет на деятельность политических партий	0.29	0.67	-0.24	-0.17
Замораживание цен и зарплаты	0.59	0.33		-0.20
Ограничение ввоза иностранных товаров	0.67		-0.20	
Усиление госконтроля над частным бизнесом	0.68	-0.11	-0.22	0.20
Жесткий контроль за деятельностью правительства	0.51	<0.1	0.22	0.63
Усиление власти президента	0.21	0.50	0.20	<0.1
Привлечение иностранного капитала	-0.46	0.45	0.29	0.30
Восстановление Союза ССР	0.64	<0.1	<0.1	0.28
Массовые выступления	0.42	<0.1	0.54	-0.42
Доверие президенту	-0.32	0.51	-0.18	-0.21
Процент объясняемой дисперсии	24.7	14.3	9.3	7.3

Третий тип ("активистский") делает акцент на массовые политические выступления - митинги, демонстрации и даже волнения. Если для других типов идея массовых выступлений является средством для достижения определенных целей, то третий тип рассматривает идею публичности как краеугольный камень любого улучшения дел. Столь широкая поддержка массовых политических акций не исключает умеренной поддержки свободы для частного предпринимательства и привлечения иностранного капитала.

Четвертый тип ("контролирующий") связывает надежды на улучшение с жестким контролем над деятельностью правительства. При этом поддерживается идея восстановления СССР и привлечения иностранного капитала. В отличие от предыдущего, этот тип негативно оценивает идею массовых выступлений.

Итак, поддержка массовых протестных акций коренится в двух типах — первом и третьем. Отметим, что с точки зрения идеологии эти типы весьма различны. Первый воплощает в себе чаяния коммунистического электората, списывающего все неудачи политики реформ на российских "буржуев", иностранный капитал и "продажное" правительство. Третий, "активистский", тип придерживается прямо противоположных позиций, оказывая умеренную поддержку идее развития национального капитала и привлечения международных инвестиций. Общее, объединяющее оба этих типа, — поддержка идеи "контроля". В первом случае — это тотальный контроль, включающий в себя контроль над ценами, частным сектором экономики, правительством. Во втором доминирует идея контроля за деятельностью правительства. Подчеркнем, что идея контроля в разных формах присутствует и во втором, и в четвертом факторе. Во втором, к примеру, это запрет на забастовки и любые другие публичные акции, замораживание цен, усиление власти президента, причем этот вполне авторитарный, если не сказать тоталитарный, набор соединяется с активной поддержкой частного бизнеса и иностранных инвестиций. В четвертом факторе сильна поддержка идеи жесткого контроля за деятельностью правительства на фоне умеренной поддержки отечественного капитала и иностранных инвестиций. Иными словами, в массовом сознании присутствует универсальная ориентация на сильное государство, способное выполнить функцию стабилизации экономической и общественной жизни.

На наш взгляд, различия между теми, кто поддерживает идею массовых выступлений, и теми, кто не оказывает ей поддержки, вполне укладывается в выдвинутую А.Хиршманом теорию "уклонения" (exit) и "участия" (voice) [4]. Оба термина заимствованы из теории рационального выбора. Под "уклонением" подразумевается ситуация, при которой потребитель (в данном случае "гражданин", "избиратель") выражает свой протест посредством отказа от предлагаемого ему продукта ("нынешний курс перемен"). Если, к примеру, сотрудника компании не устраивает политика ее руководства, он ищет для себя новое место работы. В более широком, политическом контексте недовольный нынешним российским государством гражданин выбирает такой способ воздействия на государство, как уход от выполнения своих гражданских функций, таких, например, как уплата налогов, соблюдение других правил жизни, предписываемых законом. При этом вполне допустимо, что, становясь избирателем, за неимением других подходящих альтернатив тот же самый человек отдаст свой голос за креатуру правящего режима, следуя логике охранительного поведения (из двух зол выбрать меньшее). Другая стратегия поведения — "участие" — связана с активным протестом против любых явлений, вызывающих недовольство. В этом случае человек протестует не столько "ногами", сколько активным выступлением против тех сторон жизни, которые вызывают его неудовольствие. Сотрудник компании, недовольный политикой своего руководства, не станет увольняться, а организует активное выступление против руководства и при этом попытается заручиться поддержкой своих коллег. Чтобы поступить таким образом, сотрудник должен быть твердо убежден, что его действия приведут к улучшению жизни, а не к ее ухудшению, а также иметь гарантии собственной безопасности. В российской политической жизни активно выступающий против правящего режима гражданин должен быть уверен в том, что он лично или его родственники не будут тем или иным образом

наказаны за столь активную политическую позицию и что, в конечном итоге, отстаиваемый им проект не приведет к ухудшению его собственной жизни и жизни людей его круга. Основная проблема состоит в том, что у большинства жителей России, испытавших нисходящую мобильность, нет наивной уверенности в том, что альтернативный политический проект ("коммунистический" или "националистический") приведет к улучшению жизни, а также очень часто нет убежденности в том, что времена политических репрессий, осуществляемых открыто или в форме скрытого давления, навсегда канули в лету. Поэтому, опираясь на исторический опыт поколений, большинство российского населения, исключая коммунистический электорат, превращает свой протест против ухудшения уровня жизни в "уклонение" от выполнения гражданских функций, поощряя таким образом неизбежное усиление государственного контроля. Как можно было убедиться, именно усиление государственного контроля и является желательным для населения направлением развития ситуации. Разумеется, сказанное выше — лишь гипотеза, имеющая скорее косвенное, нежели прямое подтверждение в тех данных, которые приводились. Попробуем проверить эту гипотезу, используя трансформацию данных исследования. Создадим индекс, который увеличивается на единицу всякий раз, когда респондент поддерживает ту или иную коррекцию политического курса, связанную с усилением роли государства (усиление государственного контроля над ценами, частным бизнесом, государственная программа борьбы с безработицей). Коэффициент Пирсона, характеризующий взаимосвязь между данным индексом и динамикой жизненного уровня респондента, равен 0.3. Это означает, что коэффициент детерминации R^2 , указывающий на тесноту связи переменных, равен в данном случае 0.1. Таким образом, 10% вариации одной переменной предопределяются вариациями другой. В прикладной статистике такой результат рассматривается как вполне значимый, а взаимосвязь — как достаточно тесная. Поэтому идея, в соответствии с которой российское население, переживая ухудшение жизненного уровня, придерживается стратегии "уклонения", в данном случае не опровергается. На наш взгляд, предположение о бессмысленных и беспощадных российских бунтах не имеет под собой каких-либо реальных оснований. Теряя свои социальные позиции, российское население хотело бы не столько усугубить хаос, рожденный политикой перемен, сколько уменьшить его влияние на свою жизнь, вынуждая при этом государство быть более активным в проведении политики равенства возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lipset S.M., Bendix R. Social mobility in industrial society. Los Angeles: University of California Press, 1959.
2. Featherman D.L, Hauser R.M. Opportunity and change. London: Academic Press, 1978.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т 2, М: Политиздат. С.263.
4. Hirschman A. Exit, voice and loyalty. New York: Harvard University Press, 1970.